

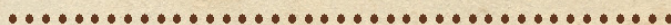
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

МЕРТВАЯ ВОДА

Родерик Аллейн

Найо Марш
Мертвая вода

«Издательство АСТ»

1964

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Мертвая вода / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1964 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-133151-1

В рыбацкой деревушке Порткарроу наступили прекрасные времена: сотни людей стекаются, чтобы попробовать целебные воды местного родника, которые якобы способны излечивать все – от бородавок до астмы. Новая хозяйка, мисс Эмили Прайд, получив в наследство эти земли, решает разобраться в «святости» источника и прекратить незаконную наживу на вере людей в исцеление. Местные жители, совсем не обрадованные таким поворотом дел, анонимно донимают пожилую даму угрозами. А спустя неделю на острове происходит убийство...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133151-1

© Марш Н., 1964
© Издательство АСТ, 1964

Содержание

Глава 1. Начало	6
Глава 2. Мисс Эмили	19
Глава 3. Угрозы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Найо Марш Мертвая вода

Ngaio Marsh
Dead Water

© Ngaio Marsh Ltd, 1964

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Алистеру и Дорис Макиттош – с любовью

Глава 1. Начало

I

Мальчик карабкался вверх по склону, полуослепнув от слез. Упал, всхлипывая и задыхаясь от рыданий, затем поднялся и на ощупь полез дальше. С неба светило солнце и заливался жаворонок. Где-то на вершине холма журчал источник. Снизу, от пристани, в спину все еще летели слова дразнилки:

Бородавочник Уолтер,
Сунь ты ручки-ножки в воду.
Бородавки ты свои
В грязной луже помочи.

Родник был почти на самом верху – бил ключом, перетекал через край заполненного углубления маленьким водопадом, потом нырял в камни и заросли орляка и наконец, хлопотно бурля, закручивался воронкой и уходил куда-то под землю. Там, где он начинался, стоял большой валун, окруженный колючками и папоротником, а выше виднелась только кромка холма и над ней яркое солнце в голубом небе.

Мальчик опустился на корточки, хватая ртом воздух. Ноги гудели, в груди колело. В бешенстве ударив ладонями о землю, он взглянул на них. И впрямь «бородавочник». Наросты гроздьями облепляли его пальцы, как те черные штуки на подпорках деревянных мостков. Два кровоточили – задел обо что-то. Из-за бородавок остальным детям велели держаться от него подальше...

Уолтер сунул ладони под каскад струй. Холод обжигал и кусал; вскоре руки онемели, но мальчик продолжал держать их в воде, решительно сощутив припухшие от слез глаза. Ледяная влага текла по предплечьям и выше, попадая в лицо.

– Не плачь.

Мальчик открыл глаза: перед ним, заслонив солнце, стояла она – высокая, выше валуна, окруженная каким-то зеленоватым сиянием, из-за чего ее нельзя было толком разглядеть.

– Почему ты плачешь?

Уолтер набычился, глядя исподлобья, словно зверек, готовый сорваться с места и броситься прочь. Затем передумал и громко и протяжно всхлипнул, продолжая держать ладони в воде.

– Что случилось? Тебе больно?

– 'уки...

– Что с ними? Покажи мне.

Он помотал головой, не поднимая глаз.

– Они г'язные.

– Вода смоеет грязь.

– Не-е, не смоеет.

– Покажи.

Он наконец повинился. Кожа на пальцах сморщилась и побелела, как брюхо дохлой рыбины, но гроздья бородавок никуда не делись. Мальчик заревел в голос, глотая соленую влагу, текущую из глаз и носа. Снизу все еще чуть слышно доносилось: «Бородавки ты свои /

В грязной луже помочи», но уже без прежнего задора. Потом кто-то крикнул: «Ой, да пошли уже», и голоса стихли. Уолтер вытянул свои позорные ладони, показывая их женщине.

– Подставь их снова под воду. – Ее голос смешивался с журчанием родника. – Если будешь верить, они очистятся.

– А?

– Станут чистыми. Скажи это вслух: «Прошу, забери мои бородавки». Закрой глаза и повтори за мной. И сделай это еще раз, когда будешь ложиться спать. Только не забудь. Ну же!

Шум воды вдруг сделался очень громким, перед зажмуренными глазами мальчика поплыли разноцветные пятна. Его собственный голос звучал как будто издали. Потом все прекратилось, только ледяные брызги от падающей на камни воды летели в лицо. Когда Уолтер поднял голову, никто уже не стоял перед ним, заслоня солнце.

Он так и сидел там, обсыхая и ни о чем не думая, пока сияющий диск не скрылся за холмом. Стало холодно, и мальчик спустился обратно к своему дому на берегу.

II

Настал следующий день, а происшествие с Уолли Трехерном не произвело на острове практически никакого эффекта. Родители мальчика были не из жаворонков, и если отца извиняло то обстоятельство, что ночью он рыбачил, то все оправдания матери скрывались на дне бутылки джина. Словом, семья не принадлежала к числу респектабельных.

Уолли, спавший не раздеваясь, поднялся как обычно и вышел к колонке умыться. Новой учительнице каким-то образом удалось внушить ему необходимость этой процедуры, и он следовал ей машинально, как хорошо выдрессированное животное. Еще не совсем проснувшись, он вдруг увидел, что произошло с его руками.

Никто не знает, как работает мозг ребенка, особенно такого, как Уолли Трехерн, мыслительные процессы которого текли так вяло, что были скорее отражением простейших эмоций – удовольствия, страха или гордости. Кажется, он испытывал последнее чувство, когда перед всей школой несмело приблизился к учительнице и продемонстрировал ей свои ладони.

– Боже мой! Боже мой, Уолли!

Она взяла его руки в свои и ошупала, не веря своим глазам.

– Этого просто не может быть! Невозможно!

– Больше не г'язные. Все п'ошло! – И мальчик залился счастливым смехом.

Школа находилась на материке, но новость о пропавших бородавках Уолли Трехерна вместе с ним самим и его учительницей добралась и до острова. Впрочем, «остров» – это громко сказано. На деле он представлял собой просто каменистый клочок суши на конце короткой, узкой и низкой дамбы, полностью исчезавшей под водой во время прилива или волнения на море. Тем не менее поселившиеся там люди считались совершенно отдельным сообществом, как будто столетия приливов и отливов размыли всякую связь между частями рыбацкой деревушки Порткарроу. Между «островитянами» и «деревенскими» пролегла четкая грань, хотя, в сущности, никаких различий между ними не было.

Учительницу Уолли звали мисс Дженни Уильямс. Молодая новозеландка, она училась в магистратуре и согласилась на эту временную работу ради опыта и прибавки к стипендии. Девушка квартировала на острове, в маленьком пабе, построенном три с половиной века назад, и в письмах домой восторженно отзывалась обо всех прирастающих из этого обстоятельства неудобствах.

С сияющим лицом, каштаново-рыжая, она выглядела сейчас, стремительно шагая по дамбе, просто потрясающе. Эффекта добавлял ветер – волосы девушки развевались, а летнее платье облепляло фигуру с откровенной безыскусностью сорочки. Позади бежал, спотыкаясь

и пытаюсь не отстать, бедняга Уолли, время от времени издававший жалобный крик, очень похожий на чайчий.

На острове учительница сказала мальчику, что хотела бы поговорить с его матерью. Свернув у пристани направо, они обогнули косу и вышли к Рыбачьей бухте. Семейство Трехерн обитало в наименее приглядном из стоявших там домишек. Дженни неприятно поразило амбре, что источала миссис Трехерн, сидевшая на крыльчке и невнятно мычавшая.

– Наклюкалась, – пояснил мальчик, хотя это было и так очевидно.

– Уолли, будь добр, найди мне какую-нибудь красивую ракушку, – откликнулась Дженни. – Розовую.

Просьбу пришлось повторить, медленно и терпеливо. Мать внезапно заорала, чтобы мальчишка тут же взялся за дело, а не то она с него шкуру спустит. В конце концов, втянув голову, Уолли побрел к берегу и вскоре исчез за лодкой.

– Миссис Трехерн, – заговорила Дженни, волнуясь, – надеюсь, вы не против моего визита? Я просто ужасно обрадовалась за Уолли и... и очень хотела бы узнать, как все случилось. В смысле – словно по волшебству, буквально за одну ночь. То есть, ну... это же... ведь так, правда?

Мать Уолли, широко улыбаясь, энергично кивнула и спросила, не желает ли учительница «глоток чего-нибудь».

– Нет, благодарю вас. – Дженни подождала, потом осторожно спросила: – Миссис Трехерн, вы заметили? Руки вашего сына? Вы их видели?

– А то. С ним бывает, с нашим Уолли. – С трудом и не сразу поднявшись, миссис Трехерн повернулась к двери. – Пшли, – не терпящим возражений тоном пригласила она. – Давай, заходи.

По счастью, чаша сия миновала Дженни – появился мистер Трехерн. Он тяжело шел вверх от берега, где, видимо, сидел за лодкой. Следом в нескольких шагах плелся Уолли.

Мистер Трехерн был темноволосым, полным человеком с выцветшими глазами и вялым ртом. Держался всегда недоверчиво, но на рожон не лез. Занимался он тем, что предлагал внаем лодку и собственные услуги приезжим, рыбачил и подрабатывал по мелочам в деревне и на острове.

Выдавлив неопределенную улыбочку, мистер Трехерн выразил надежду, что гостя находит в добром здравии в этот «необыкновенно чудесный денек». Дженни сразу свернула разговор на исчезнувшие бородавки Уолли. Выяснилось, что отец узнал о произошедшем только что, когда мальчик показал ему свои руки.

– Разве не здорово, мистер Трехерн?

– Потрясающе, – согласился тот без особого энтузиазма.

– Вы не знаете, когда именно это случилось? Вчера вечером, после школы? Или позже? И так внезапно! Я хочу сказать, его ладони – они были в таком состоянии... Я его спрашивала, конечно, – он говорит о какой-то... какой-то женщине. И что вымыл руки в источнике на холме. Простите, что докучаю вам, но я просто обязана все разузнать!

Мистер Трехерн явно считал, что она поднимает слишком много шума из-за пустяка, однако в его взгляде читалось и затаенное внимание к девушке самого неприятного свойства. Налетевший некстати порыв ветра вцепился в ее платье, которое она попыталась зажать между коленями, и мужчина распялил губы в ухмылке. Из дома меж тем неверной походкой направлялась к ним миссис Трехерн.

– Хотя, впрочем, и ладно, – быстро проговорила Дженни. – Главное, что их больше нет, правда? Не буду вас задерживать. Доброго вечера.

Миссис Трехерн, издав неопределенный звук, протянула вперед сжатую руку.

– П'кеда, – пробормотала она и раскрыла ладонь. Каскад мягких черных чешуек осыпался на ступеньку. – Эт' вот нашего Уолли. В койке у его были.

– Все до одной отвалились, – добавил мальчик, вернувшийся от кромки берега.

И протянул учительнице ракушку, с отколотым краем и поблекшую, но, несомненно, розовую. Девушка присела, принимая подарок.

– Спасибо большое. Как раз такую я и хотела.

Дженни ужасно себя чувствовала из-за того, что уходит и бросает Уолли в этом месте... Когда она оглянулась, мальчик махал ей вслед.

III

Исчезнувшие бородавки Уолли Трехерна тем вечером были главной темой обсуждения в отдельном пивном зале паба. Погода стояла чудесная, в восемь наступил отлив, и компанию завсегдатаев-островитян пополнили клиенты из деревни: доктор Мэйн из местного санатория, преподобный Эдриан Карстерс, любивший продемонстрировать при случае, что ничто человеческое ему не чуждо, и никому не известный высокий бледный молодой человек, который сидел словно на иголках. Компанию ему составлял Патрик Феррир, пасынок владельца заведения, приехавший из Оксфорда на каникулы, – обаятельный юноша с чувственным ртом, приятными манерами и острым взглядом, который то и дело останавливался на Дженни Уильямс. Кроме последней в зале находилась еще только одна женщина – мисс Элспет Кост, тоже постоянная паба. Ее отличали бесформенная пушистая прическа и неуверенная улыбка. Мисс Кост держала магазин, любила рукоделие и мелодраматические сюжеты.

Владелец паба, майор Кит Бэрримор, занимал стратегическую позицию между двумя стойками – для общего зала, где собирались исключительно местные рыбаки, и для отдельного. Румяный громогласный здоровяк, в полной мере наделенный профессиональным дружелюбием, он как нельзя лучше смотрелся на фоне начищенной до блеска конской сбруи, бутылок, стаканов, оловянных кружек и газетных вырезок со спортивными репортажами. Клетчатый пиджак, желтый жилет, кольцо с печаткой и прилизанные волосы завершали его портрет.

– Как ни посмотрите, – заявила мисс Кост, – а событие совершенно поразительное. Бедный мальчик! Подумать только!

– Весьма драматичный поворот, – согласился Патрик Феррир, улыбаясь Дженни.

– Еще бы, – подтвердила та. – Раз – и все.

– Ну, о таком постоянно болтают, – заметил беспокойный молодой человек. – Цыганки, чары и прочее.

– Слухи – одно, – возразила Дженни, – а вот увидеть собственными глазами – совсем другое. Но кто была эта «зеленая дама», хотела бы я знать!..

Повисла короткая пауза.

– Да-да, – подхватила мисс Кост. – Она самое удивительное во всем рассказе! «Зеленая дама»! Мм? – слегка склонив голову набок, она выжидающе взглянула на священника.

– Наш бедный Уолли! – откликнулся мистер Карстерс. – Полагаю, все это сказочка от начала до конца. Прискорбно, весьма прискорбно.

– Но он и в самом деле исцелился, – напомнила Дженни.

– Да, да, конечно, – поспешно откликнулся священник.

– Сказочка? По-вашему, стал быть, в ентых краях еще водятся феи, преподобный? – поинтересовалась мисс Кост, неуклюже имитируя местный говорок.

Всем стало неловко.

– Как по мне, бедный мальчуган навоображал себе всякого, – заметил майор Бэрримор. – Хотя выдумка неплоха, надо отдать ему должное.

– А что по этому поводу говорит медицина? – поинтересовался Патрик, обращаясь к доктору Мэйну.

– Не спрашивайте! – откликнулся тот, воздев вверх ухоженные руки. – Насколько я знаю, медицине здесь сказать нечего.

Видя, что такой ответ не удовлетворил аудиторию, он добавил с некоторым нетерпением:

– Такие случаи, конечно, известны, хорошо известны. Я слышал даже, что один из признанных специалистов в лечении кожных болезней выучил некое заклинание, магическую формулу или что-то вроде и успешно использует на своих пациентах.

– Вот видите?! – воскликнула мисс Кост, слегка хлопнув в ладоши и принимая таинственный вид. – Пойдите – то ли еще будет, говорю вам!

Доктор Мэйн бросил на нее неприязненный взгляд.

– Причина появления бородавок пока не установлена. Предположительно, вирусная инфекция. Мальчик, кстати, склонен к эпилептическим припадкам в легкой форме, – добавил он.

– Это делает его восприимчивым к такого рода исцелениям? – полюбопытствовал Патрик.

– Возможно, – коротко кивнул доктор. – Эпилептики более внушаемы. – И, не глядя на священника, добавил: – В так называемых чудесных исцелениях, описанных в литературе, есть кое-что общее. Все подтвержденные случаи основаны на эмоциональном, нервном воздействии.

– Думаю, все же не все, – возразил священник.

Доктор бросил на него короткий взгляд.

– Тут мне лучше промолчать. В таких вещах я некомпетентен. Дадим слово другим.

Дженни отметила, что священник чувствует себя обязанным высказаться в поддержку чудес, но в то же время боится впасть в пасторский тон. С доктором Мэйном то же самое – не хочет показаться рисующимся своей ученостью. Британская сдержанность! Ни в коем случае не демонстрировать собственную значимость!.. Нужно будет упомянуть об этом в следующем письме домой.

– Следующий круг выпивки за мой счет, – заявил вдруг беспокойный молодой человек, всех удивив.

– Щедрое предложение! – откликнулся майор Бэрримор. – Благодарю вас, сэр.

– Скажите, – продолжил молодой человек как бы между прочим, ни к кому конкретно не обращаясь, – где же находится этот источник, ключ или как его там?

– Вверх от пристани, на склоне холма, – объяснил Патрик.

– Мальчик утверждает, что некая дама в зеленом велела ему омыть там руки, и бородавки в ту же ночь оппали? Верно?

– Насколько я смогла понять – да, – откликнулась Дженни. – Бедный Уолли не особо красноречив.

– Уолли Трехерн, так вы сказали? Он местный?

– Да, все так.

– А бородавок было много?

– Не то слово.

– Может быть, они сами по себе вот-вот отвалились бы? Просто совпадение?

– Очень сомневаюсь.

– Поня-ятно, – оценивающе протянул молодой человек. – Что ж, всем того же, что и раньше?

Послышалось общее согласное бормотание, и владелец паба принялся разливать напитки.

– Я могу показать вам его фотографию, – возвращаясь к разговору, сказала Дженни.

– Правда? У вас есть? Было бы здорово, с удовольствием посмотрю. Если вас не затруднит...

Дженни сбегала к себе за снимком учеников начального класса, где Уолли стоял на первом плане, не зная, куда девать болтающиеся руки. Вставив цветной слайд в диаскоп, она вернулась в зал. Молодой человек приткнулся к окуляру и тихонько присвистнул.

– Да уж, – проговорил он. – Это что-то. Хороший снимок, кстати. Четкий.

Остальные тоже захотели посмотреть. Диаскоп переходил из рук в руки, когда отворилась дверь, и в паб зашла красивая изящная женщина – миссис Бэрримор. Изысканные черты лица – тонко очерченные скулы, спокойные глаза – завершал неожиданно сочный рот. Как будто художник, начав рисовать натуру аскетичную, вдруг передумал и добавил ей губы сластолюбца.

С несколько принужденной, стеснительной грацией женщина вошла в зал, мимолетно улыбнувшись всем присутствующим. Доктор Мэйн, метнув на нее быстрый взгляд, привстал, священник пожелал ей доброго вечера, а беспокойный молодой человек предложил для нее что-нибудь заказать. Муж, не спрашивая, нацедил бокал светлого пива.

– Привет, мам. Мы тут обсуждаем бородавки Уолли, – сказал Патрик.

Миссис Бэрримор присела рядом с мисс Кост.

– В самом деле? – переспросила она. – Странно, не правда ли?

Голос у нее был чарующий – мелодичный и очень чистый. Она говорила с едва различимой запинкой и имела привычку сплетать при этом пальцы. Патрик принес матери ее пиво, и она неловко поблагодарила беспокойного молодого человека за щедрость. Дженни, испытывавшая к ней большую симпатию, уже не в первый раз подумала, что женщине совсем не по душе этот паб – так чужеродно она здесь выглядела.

После прихода миссис Бэрримор на время воцарилась тишина. Доктор Мэйн вертел стакан в ладонях, не сводя глаз с его содержимого. Наконец молчание нарушила мисс Кост, на которую накатила новая порыв энтузиазма.

– Можете надо мной смеяться, – воскликнула она бесшабашно, – мне все равно! Пусть этому есть какое-то научное объяснение или считайте случившееся совпадением, а я скажу, как думаю.

Она резко подняла свой бокал с портвейном, так что все взгляды волей-неволей обратились к ней.

– У меня астма! – не без тщеславия проговорила она. – Каждый вечер, ровно в половине девятого, точно по часам, начинается приступ. Вы, наверное, слышали сопенье и сипенье из моего угла. Так вот! Сегодня, узнав про Уолли, я поднялась к источнику. Я сидела возле него, и вдруг мне пришло в голову... как озарение. Я окунула пальцы в поток...

Она прикрыла глаза и подняла брови, улыбаясь. Вино пролилось ей на руку, и мисс Кост отставила бокал.

– ...и загадала желание. И почувствовала необычайную легкость, у меня как будто камень с души свалился. Потом я спустилась... Посмотрите на время! – ликуяще провозгласила она, театральным жестом указывая на часы. – Пять минут одиннадцатого! – Она слегка ударила себя в грудь. – Мои бронхи чисты как стеклышко! И я знаю, наверняка знаю, что случилось чудо!

Повисла мертвая тишина – все нервно прислушивались к дыханию говорившей. В самом деле, никаких астматических звуков.

– Мисс Кост, – проговорил наконец Патрик, – какая замечательная новость!

Послышались общие поздравления. Майор Бэрримор провозгласил:

– Лишь бы не вернулось!

– Аминь! – с горячностью, от которой всем, особенно священнику, стало неловко, выпалила в ответ мисс Кост. – Истинно так! Аминь!

Доктор Мэйн поинтересовался, не видела ли она возле источника зеленых дам.

– Н-нет, – проговорила она.

– Вы как будто не уверены, мисс Кост?

– У меня глаза были закрыты, – быстро ответила она.

– Понятно...

Беспокойный молодой человек, грызший ногти, вдруг воскликнул: «Послушайте!», завладев общим вниманием.

– Послушайте! – повторил он. – Мне, наверное, лучше объясниться начистоту. У меня в этом есть... ну, в общем, профессиональный интерес. Я в отпуске, однако репортер ведь всегда на посту, правда? По-моему, история достойна внимания, и моя газета захочет познакомить с ней своих читателей. Лондонская «Сан», а я – Кеннет Джойс, слышали? У меня там своя колонка, «Правильный ответ». Так что скажете? Просто новостная заметка, никаких раздутых сенсаций.

– О нет! – воскликнула миссис Бэрримор и добавила: – Простите, подобное мне очень не по душе.

– Полностью согласен, – поддержал доктор Мэйн, поднимая глаза. На секунду их взгляды встретились.

– И я думаю так же, – произнес преподобный. – Боюсь, мне это тоже не по душе, мистер Джойс.

– И мне, – добавила Дженни.

– В самом деле? – переспросил Джойс. – Очень жаль. Я хотел попросить вас одолжить мне этот снимок. Его можно увеличить, моя газета заплатит...

– Нет, – оборвала его Дженни.

– Ого, какая экспрессия! – Джойс огляделся вокруг. – Почему же нет?

– Я тоже не понимаю, – откликнулся майор Бэрримор. – Не вижу здесь ничего такого. Это ведь на самом деле было, так ведь? Событие чертовски интересное. Почему бы не поведать людям?

– О, я согласна, – горячо поддержала мисс Кост. – Извините, но я согласна с майором. Газеты полны всякими ужасными вещами, так чем же вам не угодила милая правдивая история нашего Уолли? Разве я не права?

Патрик широко улыбнулся Джойсу.

– Ну, по крайней мере, вы раскрыли карты.

– Он хотел получить фотографию Дженни, – негромко заметила миссис Бэрримор. – У него не было другого выхода.

Оба посмотрели на нее с изумлением.

– Мама! Зачем же так резко?!

– По-моему, это совершенно оправданно, – заметил доктор Мэйн.

– А мне так не кажется, – громко откликнулся майор Бэрримор. Дженни ощутила в его голосе враждебность, не имеющую ничего общего с предметом обсуждения.

– Ну да, конечно, не было, – искренне признал Джойс, сопровождая свои слова широким жестом. – Вы чертовски правы. Я действительно очень хотел получить снимок. Но тут все равно профессиональный этикет, знаете ли. Моя газета всегда ведет честную игру, такая политика. И в доказательство я благородно удаляюсь от сего разделенного дома.

Он пересел к мисс Кост. Миссис Бэрримор поднялась и отошла. Доктор Мэйн взял ее пустой бокал и поставил на стойку.

Повисло неловкое молчание – кажется, все вдруг припомнили, что мистер Джойс только что угощал остальных за свой счет и, видимо, не совсем бескорыстно.

– Спокойной ночи, – проговорила миссис Бэрримор и вышла.

Патрик придвинулся к Дженни.

– Я завтра собирался порыбачить, если погода будет хорошей. Вы ведь не работаете в субботу – может быть, присоединитесь? Лодка, правда, маленькая и дрянная, и вряд ли мы поймаем хоть что-нибудь...

– Во сколько?

- На рассвете или чуть попозже. Скажем, в половине пятого.
 - Ого! Что ж, если удастся проснуться так рано...
 - Я поскребусь в вашу дверь, как было принято при дворе Короля-Солнца. Которая ваша?
- Не хотелось бы угодить к мисс Кост!
- Дженни объяснила и добавила:
- Кстати, она, кажется, чудесно проводит время в обществе мистера Джойса.
 - Он выпытывает у нее историю.
 - О нет!
 - О да! А завтра с утра отправится к Уолли и его кошмарным родителям. С фотоаппаратом.
 - Не может быть!
 - Еще как может. И очарует их, если найдет трезвыми. Следите за его колонкой.
 - Ваша бульварная пресса пала так низко?
 - А ваша нет?
 - Не настолько.
 - Что ж, рад за вас. И я тоже не понимаю, что здесь такого ужасного. Ни секса, ни наркотиков, ни криминала. Все чистенько, как ладошки Уолли. – Патрик испытующе взглянул на девушку. – Извините, вижу, вам действительно это не по душе.
 - Просто не знаю почему... Хотя нет, знаю. Уолли – мальчик уязвимый. В смысле, его ведь все дразнили, обзывали. Он был совсем один – маленький, потерянный... А сейчас он практически счастлив. В чем-то даже герой. Его не назовешь симпатичным, как и других вроде него, но я к нему привязалась. Пусть это останется его личным делом.
 - Разве ему повредит газетная шумиха, если она вообще поднимется? Может, отчасти ему даже понравится.
 - Мне бы этого не хотелось. Ну хорошо, – сердито добавила Дженни, – наверное, я зря упрямлюсь. Забыли. Наверное, ничего и не будет.
 - Ох, вряд ли, – откликнулся Патрик. – Шумиха все же поднимется. И он оказался прав.

IV

ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Вы верите в волшебство?

Уолли Трехерн – да. У мальчугана с острова Порткарроу все руки были буквально усеяны бородавками. Другие дети обходили его стороной. Но Уолли омыл ладони в чудодейственном источнике, и угадайте, что случилось?

Вот как они выглядели.

А вот какими они стали.

Уолли снят здесь вместе с родителями у того самого Ключа Фей. По словам мальчика, очиститься в нем ему велела некая таинственная «зеленая дама». Родители уверяют, что никакого другого лечения он не получал.

Мисс Элспет Кост (на врезке) исцелилась от хронической астмы. Местный врач воздерживается от комментариев.

(Статья полностью на с. 9)

Прочитав статью полностью, доктор Мэйн громко хмыкнул и отправился на утренний обход. Санаторий был совсем маленьким – шесть одиночных палат для пациентов плюс квартиры двух сестер и самого доктора-вдовца. Веранда в задней части здания выходила в большой сад, дальше за соседним полем виднелось море и остров.

Пациентов на данный момент было четверо, все выздоравливающие. Одна из них, пожилая леди, уже поднялась и дышала воздухом на веранде. В руках у нее, как и у других, доктор заметил свежую «Сан».

– Миссис Торп, – проговорил он, наклоняясь к ней, – это уже шаг вперед, не так ли? Если все так пойдет и дальше, скоро мы с вами поедем кататься.

Миссис Торп кивнула с тенью улыбки на лице.

– Здесь все такое нетронутое, – проговорила она, указывая на открывающийся вид. – Подобных мест почти не осталось. Везде спуют кошмарные туристы.

Доктор сел, взял ее за руку и, глядя на часы, измерил пульс.

– Ну, – сказал он бодрым тоном, – это уже фактически чистая формальность.

Миссис Торп явно хотелось обсудить еще кое-что. Едва дождавшись, пока он захлопнет крышку часов, она выпалила:

– Доктор, что вы думаете по этому поводу?

– Как я и сказал, вы идете на поправку.

Она слегка шлепнула его по руке.

– Не притворяйтесь! Вы знаете, о чем я. Про наши края написали в газете. Про наш остров!

– Да, я видел.

– Так что вы об этом думаете? Только откровенно! Скажите мне.

Он ответил ей так же, как раньше Патрику Ферриру. Такие случаи известны. С позиций медицины ничего определенного здесь сказать нельзя.

– Но вы не считаете это чушью?

– Нет, не считаю. Извините, мне действительно пора...

Он поднялся.

– У моего племянника просто ужасные бородавки, – проговорила задумчиво миссис Торп. – И они ведь, кажется, заразны. Может быть, стоит...

Других пациентов тоже переполняло желание обсудить новости. У одного из них нашлась двоюродная сестра с тяжелым случаем хронической астмы.

Мисс Кост перечитывала статью снова и снова, особенно ту часть на странице девять, где рассказывалось о ее страданиях и избавлении от них, обретенном в водах Ключа Фей. Его, правда, никто так никогда не называл, но если подумать, это довольно мило. Стоило бы, конечно, поправить прическу, прежде чем приятель мистера Джойса сделал фото, да и рот лучше бы смотрелся закрытым. Впрочем, неважно. Во время отлива мисс Кост отправилась в деревню и заглянула в киоск. Увы, все номера «Сан» были уже проданы. Сегодня газета пользовалась небывалым спросом. Мисс Кост обвела киоск пренебрежительным взглядом профессионала. Никаких тебе сувениров, да и открыток всего ничего. Она все же купила три с видом на остров и заполнила все доступное пространство своим бисерным почерком. Ее подругу, страдающую артритом, это наверняка заинтересует.

V

Майор Бэрримор допил утренний кофе и отставил чашку слегка дрожащей рукой. Его свежесвыбранные щеки горели багрянцем, зато глаза глядели тускло.

– Быстро они, – скривился он, кивнув на свежий номер «Сан». – Газетчики времени даром не теряют. Всего пара дней прошла. – Он бросил взгляд на жену. – Ты что, не читала?

– Так, просмотрела по диагонали.

– Не знаю, что на тебя нашло. Почему ты так взъелась на этого Джойса? Для репортера он вполне приличный парень.

– Да, наверное.

– Мы станем известны, станет приезжать больше народу. Да люди сюда валом повалят, к гадалке не ходи. И нам что-нибудь перепадет.

Она промолчала, и он вдруг сорвался на крик:

– Черт побери, Маргарет, дохлая рыба веселее тебя! Можно подумать, на острове кто-то умер, а не исцелился. Видит бог, лишние клиенты нам не помешают!

– Да, я знаю. Извини, Кит.

Майор перелистнул газету на страницу с результатами скачек.

– Где этот твой сынок? – поинтересовался он некоторое время спустя.

– Хотел отправиться на лодке с Дженни Уильямс в южную бухту, как обычно.

– Они здорово сблизились, да?

– Тревожиться не о чем. Она хорошая девушка.

– Если бы еще не ее акцент...

– Не такой уж он сильный, тебе не кажется?

– Ну, может, и нет. Вообще, кобылка она что надо. Ноги просто загляденье. А ему разве не следует заниматься?

– Про учебу он не забывает.

– Вечно ты его выгораживаешь.

Майор зажег сигарету и вернулся к скачкам. Зазвонил телефон.

– Я возьму, – сказала жена.

Она подняла трубку.

– «Мальчик с омаром». Да. Да.

В трубке громко трещало.

– Из Лондона, – повернулась к мужу миссис Бэрримор.

– Если это миссис Уинтерботтом, – откликнулся тот, подразумевающая арендодательницу, – то меня нет дома.

Через секунду-другую связь установилась.

– Да? – проговорила миссис Бэрримор. – Разумеется. Да, можно. Номер на одного? Как ваше имя?

В тот день ей пришлось ответить еще на два междугородних звонка. К концу недели все пять комнат в «Мальчике с омаром» были заняты.

В редакцию «Сан» посыпались письма о чудесных исцелениях и лечении силой веры. К пятнице ситуацией заинтересовались на телевидении.

В школе тем временем начались каникулы, и учительство Дженни Уильямс на Порткарроу подошло к концу.

VI

Пока за завтраком статью обсуждала чета Бэрримор, та же тема занимала и священника с женой. Тон их разговора, правда, был иным.

– Вот оно! – произнес мистер Карстерс, хлопнув по газете, лежавшей рядом с его тарелкой. – Все-таки тиснул! Бессовестный писака!

– Да, я видала. Так насчет мясника... – Миссис Карстерс больше волновали ежемесячные счета.

– Нет, Далси, каково? Я просто слов не нахожу. Я в бешенстве. – Тон священника, однако, стал неуверенным.

– Правда? Почему? Конечно, вульгарность... Но вот что имел в виду Нанкивелл под «двумя фунтами¹ лучшей вырезки»? – вернулась миссис Карстерс к более насущным пробле-

¹ Около 900 грамм.

мам. – С ума он сошел? Мы в жизни не брали у него вырезку, да еще лучшую. Максимум мясо для тушения.

– Дело не только в вульгарности, Далси, но и в том, как это повлияет на деревню.

– Повлияет? И цифры у него не сходятся. Вообще ничего не понимаю.

– Конечно, я рад за мальчика. Искренне рад и не устаю возносить благодарственные молитвы Господу.

– Разумеется, – поддакнула жена.

– Вот о чем я говорю. Нужно быть благодарными, а не делать скоропалительные выводы.

– Непременно выясню у Нанкивелла. Каких выводов?

– Какой-то осел, – сердито проговорил преподобный, – вбил Трехернам в голову, что это было... О Боже! Что это было...

– Чудо?

– Нельзя разбрасываться такими словами! А ведь они сейчас именно этим и заняты.

– Просто ужас, сколько мы платим Нанкивеллу за его дрянной товар, – вздохнула миссис Карстерс, переходя к следующему счету. – Да, дорогой, ты совершенно прав. И все же случай правда поразительный.

– Как и другие исцеления. Все они – свидетельства милости Божьей, любовь моя.

– Трехерны, надо думать, были пьяны?

– О да. В стельку. Католики лучше нас разбираются в таких вещах, не зря они придумали «адвоката дьявола». Еще немного, и нам он понадобится.

– Не стоит так переживать, – проговорила миссис Карстерс. – Думаю, все скоро успокоится.

– Что-то мне сомнительно, – мрачно возразил ей муж. – Да, Далси, именно так – что-то мне сомнительно.

VII

– А остров большой? – спросила Дженни, перевернувшись на живот и подставив солнцу спину.

– Нет, крохотный. Не больше четырнадцати акров.

– У него есть владелец?

– Одна пожилая леди – миссис Фэнни Уинтерботтом. Ее муж сделал состояние на шпильках для волос. В нужный момент переключился на заколки и стал миллионером. Купить остров – это, можно сказать, была его причуда.

– А паб и прочее?

– Тоже все ее. У мамы, правда, в пабе есть доля. Она взялась за это дело, когда отчима уволили из армии.

– Здесь хорошо. Красиво, но не слишком. Бухта прямо как у нас в Новой Зеландии. Жаль будет отсюда уезжать.

– Скучаешь по дому, Дженни?

– Иногда. По горам, по образу мыслей. Хотя настроиться на чужую жизнь тоже было интересно. Сперва, конечно, я ко всему относилась с предубеждением, как бы смотрела со своей колокольни. Меня буквально выворачивало от того, как некоторые, вроде Трехернов, здесь живут, от их косности и ограниченности и так далее. Но теперь... – Она покосилась на Патрика. – Забавно, что эта дрянная статейка трогает меня куда больше, чем тебя, и не только из-за Уолли. Мне она кажется каким-то оскорблением острова.

– Ну, мне она тоже не очень по душе.

– Британская сдержанность в выражениях. Типичный пример.

Он слегка шлепнул ее пониже спины.

– Стоит мне вспомнить, – голос Дженни зазвенел от ярости, – как гнусный репортер вытянул из Трехернов то школьное фото, а до этого нагло пытался обвести вокруг пальца меня саму...

– «Дженнифер Уильямс заявила, что бородавки выглядели просто ужасно», – процитировал статью Патрик.

– Как он вообще посмел!

– Кстати, зря он назвал твои волосы «огненно-рыжими». На солнце они отливают медью. Скорее, даже золотом.

– Не трожь мои волосы.

– Надо говорить «не трогай».

– Ох, да отстань ты.

– Ты сама просила поправлять тебя.

– Ладно, ладно. Патрик...

– Что?

– Ты не думаешь, что остров ждет кошмарное нашествие страждущих, покрытых бородавками и задыхающихся от астмы?

– Экскурсии...

– Магазины сувениров...

– Проволочная ограда вокруг источника...

– Вход – шиллинг.

– Да, пугающая перспектива, – признал Патрик. Он поднял камешек и швырнул в пролив. – Зато выгодная, – пробормотал он себе под нос.

Дженни повернулась к нему и села.

– Само собой. Само собой. Если дело в этом...

– Моя дорогая невинная Дженни, ну разумеется, и в этом тоже. Не знаю, может быть, у вас в благословенной Антиподии не сталкиваются с постоянной нехваткой денег... Могу сказать по собственному опыту, что это довольно неприятно.

– Ну, мне сталкиваться приходилось. Прости, Патрик, я не знала.

– Прощаю. Я пойду даже дальше и скажу тебе, что если дела в пабе не пойдут хоть немного лучше или если отчим не перестанет играть на бегах и прикладываться к бутылке, нам придется покинуть остров даже раньше твоего.

– Не может быть!

– Боюсь, что может. А господа из адвокатской корпорации будут угощать обедом какого-нибудь другого, более достойного кандидата на место. Я же останусь на бобах, закончу Оксфорд и пойду торговать расческами вразнос. купишь одну для своих роскошных волос?

Патрик схватил камешек и швырнул в воду, за ним другой, третий...

– И это еще не все. Дело и в маме. У нее, конечно, и так не радужная ситуация, но здесь, по крайней мере, она... – Он вдруг поднялся. – Ладно, Дженни. Вот тебе еще один пример британской склонности к недомолвкам, которую ты считаешь такой комичной.

Молодой человек отошел к лодке и без всякой нужды вытянул ее из воды еще на пару дюймов². Дженни беспомощно смотрела на его привлекательную фигуру в позе сдержанной силы, выгодно выделяющуюся на фоне моря. Что тут скажешь?

Патрик вернулся, прихватив из лодки корзину с едой.

– Извини. Искупаемся, пока нет сильных волн, а потом поедем? Пошли.

Дженни последовала за ним к морю. В борьбе против подступающего прилива чувство беспомощности сошло на нет. Наплававшись до усталости, они вернулись на берег и принялись за еду. Патрик, как благовоспитанный и внимательный джентльмен, расспрашивал девушку о

² Около 5 сантиметров.

Новой Зеландии и о работе, которую Дженни надеялась получить – преподавать английский в Париже. Только когда пришло время отправляться обратно на ту сторону острова и они сели в лодку, Патрик вернулся к теме, которая все это время, конечно, не покидала умы обоих.

– Вон вершина того самого холма, – заметил он. – Прямо над нашим пляжем. На той стороне, чуть ниже, источник. Ты заметила, что в интервью мисс Кост назвала его Ключом Фей?

– Еще бы. Приторно до тошноты.

Лодка обогнула мыс и вошла в Рыбачью бухту.

– Сантименты и целесообразность – не лучшие компаньоны, – заметил Патрик. – Можно сколько угодно вставать в позу и объявлять, что лучше я буду торговать расческами, только бы место, которое я люблю, сохранилось неоскверненным. Не опрокинется над островом никакой рог изобилия, все здесь останется, как прежде – таким, как мы любим. Правда, нас тут уже не будет. Через каких-нибудь пару лет никто и не вспомнит о бородавках Уолли Трехерна.

На деле все случилось с точностью до наоборот. Не прошел еще указанный им срок, как каждый житель Великобритании, кто в состоянии был читать газеты, знал о бородавках Уолли и о том, как благодаря им остров совершенно преобразился.

Глава 2. Мисс Эмили

I

– Беда моей семьи в том, – промолвила мисс Эмили Прайд на изысканном французском, переводя взгляд с Аллейна куда-то вдаль, – что мы всегда заходим слишком далеко.

Ее голос звучал на высокой наставительной ноте, как обычно, когда рассказ предстоял длинный. Волны ностальгии уносили Аллейна далеко в прошлое, когда он вот так же сидел в этой самой комнате, изменившейся куда меньше, чем он сам или пожилая леди. Здесь, будучи еще кандидатом в дипломатический корпус, он сражался с неправильными французскими глаголами и внимал очаровательным сплетням тех времен, когда папа мисс Эмили был капелланом при посольстве в Париже. Сколько ей сейчас, интересно? Лет семьдесят?.. Аллейн постарался собраться и принялся слушать внимательнее.

– Моя сестра, Фэнни Уинтерботтом, тоже не избежала этого недуга. Помню, на одном неофициальном вечере в нашем посольстве ее пригласили выступить. Чистый гротеск – Фэнни появилась в каком-то невообразимом наряде, с букетом из овощей. Она обладала определенным талантом своеобразного, дикарского сорта и была в ударе (ключевое слово здесь, как вы увидите). Воспламененная успехом у публики, она сочинила экспромтом некий двусмысленный спич, в конце которого швырнула свой букет в посла. Удар пришелся прямо в диафрагму и едва не кончился плачевно.

Взгляд мисс Эмили вернулся из неведомых далей и вновь сфокусировался на Аллейне.

– Никто из нас не свободен от склонности к сумасбродствам, – добавила она, – но у моей сестры она проявилась в самой крайней степени. Я не могу не усмотреть здесь связи со случившимся.

– Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мисс Эмили.

– Тогда вы далеко не так проницательны, каким обещали стать в юности. Что ж, я объясню. – В устах мисс Эмили эта фраза всегда звучала зловещей угрозой. – Моя сестра Фэнни, – вернулась она к прежнему повествовательному тону, – вышла замуж. За некоего мистера Джорджа Уинтерботтома, весьма выгодно занимавшегося торговлей. Это все, что о нем нужно знать. Он умер, оставив ее бездетной вдовой с более чем солидным состоянием. В числе прочего она унаследовала так называемый остров, который я упомянула в своем письме.

– Порткарроу?

– Именно. Вы не могли не слышать о недавних событиях на этом безликом во всех прочих отношениях клочке суши.

– Да, разумеется.

– В таком случае объяснять не надо. Напомню лишь, что за последние два года там зародился и пышно расцвел некий культ, который я всецело не одобряю. Он и является причиной моего беспокойства, побудившего меня прибегнуть к вашей помощи.

Она сделала паузу.

– Да, конечно, все, что в моих силах... – поспешно откликнулся Аллейн.

– Благодарю. Кстати, произношение у вас ухудшилось. Так вот. Фэнни только поощрила своих арендаторов во всей этой истории с бородавками. Моя сестра приехала на остров и спросила ребенка. У нее самой как раз был какой-то нарыв на пальце ноги, она погрузила его в воду, и тот, очевидно, от ледяной воды, прорвался. Наверняка он и так уже созрел, и это вот-вот случилось бы само по себе, но Фэнни тут же принялась твердить о чуде. Были и другие подобные случаи «исцелений», столь же истерического характера. Поднялась шумиха, и сестра не

преминула ею воспользоваться – расширила гостиницу, огородила источник, в газетах появились рекламные объявления, на острове открыли магазин. Местные жители, насколько я понимаю, тоже неплохо наживаются.

– Надо думать.

– Итак, далее. Моя сестра Фэнни умерла в возрасте восьмидесяти семи лет. Я унаследовала все ее имущество. Думаю, не нужно говорить, что я не намерена поддерживать этот недостойный балаган и тем более извлекать из него выгоду.

– Вы хотите продать остров?

– Разумеется, нет. Соберитесь, Родерик, – резко скомандовала мисс Эмили. – Я ждала от вас другого.

– Прошу прощения.

Она только отмахнулась.

– Продать его значило бы нажиться на нынешней фальшивой славе и позволить этому вздору продолжаться и дальше. Нет, я хочу вернуть остров к его прежнему состоянию и уже дала поручение адвокатам ознакомить с моим решением всех заинтересованных лиц.

– Понятно.

Аллейн встал, глядя сверху вниз на свою бывшую наставницу. Мисс Эмили совершенно вжилась в роль пожилой француженки определенного типа. Черная ткань ее одежд полностью отвергала всякий намек на нарядность. Лицо казалось серым. Из драгоценностей – только гагат и золото. Весь облик пожилой леди дышал отстраненной, вневременной старомодностью и абсолютным самообладанием. Обстановка в комнате полностью ему соответствовала – инкрустированная мебель, чопорные стулья с выцветшей мягкой обивкой, пожелтевшие фотографии, с одной из которых на Аллейна смотрело его собственное юное лицо. В искусной работы вазе торчал неизменный пучок сухих метелок целозии. Одним словом, все было *комильфо* – по вкусу хозяйки. Да, ей никак не меньше...

– Мне восемьдесят три, – проговорила мисс Эмили, словно подслушав его мысли, – и вам не переубедить меня, если вы собирались, Родерик.

– Я слишком трепещу перед вами, мисс Эмили, чтобы даже подумать об этом.

– Ох, нет! – проговорила она по-английски. – Надеюсь, вы не всерьез.

Аллейн поцеловал ее маленькую высохшую руку, как она учила его когда-то.

– Итак, поведайте мне, каков ваш план?

Мисс Эмили снова перешла на французский.

– В общем и целом, как я уже сказала, восстановить статус-кво. То есть, в конечном счете, убрать ограду, закрыть магазин и разоблачить всю эту историю.

– Признаться честно, – сказал Аллейн, – я никогда не был так настроен против подобных вещей. Бородавки могут проходить в силу каких-то иррациональных причин – такие случаи слишком хорошо известны, чтобы сомневаться в них. Конечно, это скорее исключение из правил, но все же исцеления силой веры вполне реальны, насколько я понимаю. Не знаю, почему вы занимаете такую жесткую позицию, мисс Эмили. Конечно, если вас отвращает неизбежная вульгаризация...

– Разумеется. Еще больше мне не нравится использование источника в коммерческих целях. Однако в первую очередь это личное – я столкнулась однажды как раз с таким случаем, когда «исцеление верой» не сработало. У моей очень близкой подруги был рак, и ей вбили в голову – буквально вбили, уверяю вас, – что она сможет излечиться подобным способом. Ее ждало жестокое разочарование. Она до последнего отказывалась верить, что средство не сработало, и тем мучительнее было крушение последних надежд. Все это повлияло на меня самым тягостным образом. Я готова скорее умереть, – с неожиданной силой завершила она, – чем хоть в малой степени нажиться на другой подобной трагедии.

Повисла короткая пауза.

– Да, – проговорил Аллейн. – Теперь я понимаю ваше отношение к этой истории.

– Но я пока не объяснила, почему решила просить о помощи именно вас, Родерик. Должна сказать, что я написала майору Бэрримору, арендатору паба и гостиницы, и проинформировала его о моем решении. Я уведомила его, что намерена сама посетить остров и проследить за выполнением своих распоряжений. Также, поскольку это непосредственно ее коснется, я известила хозяйку магазина, некую мисс Элспет Кост. Я дала ей три месяца, в течение которых она должна либо закрыть его, либо превратить в нормальное заведение, никак не связанное с источником. Также она должна воздержаться от нелепого ежегодного фестиваля, за устройство которого, как мне известно, она сейчас принялась и который широко разрекламировала в прессе.

– Полагаю, обоих ваши письма крайне поразили...

– Видимо, настолько, что они до сих пор не могут прийти в себя. Это было неделю назад, и я до сих пор не получила никакого официального отклика.

Мисс Эмили так подчеркнула предпоследнее слово, что Аллейн почувствовал, что от него ждут уточняющего вопроса.

– А неофициального? – позволил он себе поинтересоваться.

– Судите сами. – Отойдя к столу, она вернулась с несколькими листками бумаги и протянула своему бывшему воспитаннику.

Аллейн взглянул на один из них, подумал и разложил в ряд на ближайшем столике. Всего листков было пять. «Черт! Вот это поворот!» Знакомая картина – газетные вырезки, приклеенные на вырванные из тетради линованные страницы. На первой – заметка о нескольких случаях исцеления, озаглавленная «Снова Ключ Фей». Лондонская «Сан», легко узнать. Ниже – беспорядочно собранное из отдельных слов, тоже вырезанных из газет, предложение: «УГРОЗА закрытия Не пройдет ПРЕДУПРЕЖДАЕМ». Надпись на втором листке гласила просто: «ОПАСНО вмешиваться». На третьем – «Предотвратим осквернение любой ценой». На четвертом – «Местные готовы вмешательство будет ФАТАЛЬНО» и на пятом, последнем, целая строчка газетного заголовка – «ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ» с дополнением из кусочков «можете оказаться на ее месте».

– Что ж, – заметил Аллейн, – милая подборка, должен сказать. Когда они пришли?

– В последние пять дней, один за другим. Первое, видимо, отправили сразу после получения моих писем.

– Вы сохранили конверты?

– Да. На них почтовый штемпель Порткарроу.

– Можно взглянуть?

Мисс Эмили принесла пять дешевых конвертов. Адрес на них также был составлен из газетных строчек.

– Я могу их забрать? И письма?

– Разумеется.

– Вы подозреваете кого-нибудь? – спросил Аллейн.

– Нет.

– У кого был ваш адрес?

– У владельца паба, майора Бэрримора.

– Фокаст-стрит, 37 – несложно подобрать из любой газеты. Хотя постойте-ка – он не составлен из отдельных слов, тут целая строчка. И шрифт я не узнаю.

– Вероятно, это из местной газеты. Извещение о вступлении в права наследства.

– Да, скорее всего.

Аллейн попросил у мисс Эмили конверт побольше и сложил в него все материалы.

– Когда вы планируете отправиться в Порткарроу?

– В понедельник, – невозмутимо ответила та. – Что бы ни случилось.

Поразмыслив немного, Аллейн присел и взял ее руку в свои.

– Так вот, моя дорогая мисс Эмили. Пожалуйста, выслушайте, что я вам скажу – если не возражаете, по-английски.

– Само собой – я ведь и пригласила вас, чтобы выслушать ваше профессиональное мнение. Что касается того, чтобы говорить по-английски, – хорошо, как вам будет угодно. *Enfin, en ce moment, on ne donne pas une leçon de français*³.

– Нет. Скорее урок здравого смысла, если позволите. Конечно, я ни на минуту не допускаю, что эти угрозы стоит воспринимать буквально. Наверняка они должны просто заставить вас держаться подальше от острова, а в случае неудачи больше вы о них и не услышите. С другой стороны, они явно показывают, что в Порткарроу у вас есть враг, и если вы отправитесь туда, реакция может последовать самая неприятная.

– Вполне очевидно, и я полностью готова к этому. Однако, – голос мисс Эмили зазвучал громче, – если они думают, что меня можно запугать...

– Подождите. Вам совершенно необязательно ехать туда самой, верно? Ваши адвокаты справятся и без вас – прекрасно справятся. И это будет... самый достойный и разумный способ все уладить.

– Пока я не увижу своими глазами, что там происходит, я не могу дать исчерпывающих распоряжений.

– Нет, можете. Пусть вам предоставят подробный отчет о состоянии дел на острове.

– Этого недостаточно.

Нужно было ее поколебать.

– Вы показывали эти послания вашим адвокатам? – поинтересовался Аллейн.

– Нет.

– Думаю, они дали бы вам тот же совет.

– Я бы его не приняла.

– Что, если этот человек все же готов исполнить свои угрозы? Прибегнуть к насилию? Знаете, это не так уж невероятно.

– Поэтому я и обратилась к вам за советом. Очевидно, мне нужно принять меры, чтобы защитить себя. Какие именно? Конечно, я не умею обращаться с оружием и знаю, что на него в любом случае нужно разрешение. Полагаю, при вашей должности вы сможете снабдить меня чем-то подходящим и будете столь любезны, чтобы дать мне небольшой урок по его использованию.

– Я не стану добывать вам разрешение в обход закона, а тем более учить беглой стрельбе. Это просто смешно.

– Ну, есть же и другие меры предосторожности, – отступилась дама. – Ходить посередине дороги, не покидать дом после наступления темноты, не назначать встреч в безлюдных местах...

Аллейн внимательно посмотрел на свою старую наставницу. Показалось ему или в ее невозмутимом взоре мелькнул лукавый огонек?

– По-моему, вы делаете из меня дурака.

– Ну и кто из нас теперь смешон? – саркастично спросила мисс Эмили.

Он поднялся.

– Хорошо. Как офицер полиции, я считаю крайне неразумным для вас отправиться в Порткарроу. А как ваш давний благодарный ученик заверяю вас, что встревожусь, если вы будете упорствовать в своем решении. Моя дорогая мисс Эмили, – уже другим тоном добавил он, – ради бога, прошу вас, оставайтесь дома.

³ В конце концов, у нас сейчас не урок французского (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.

– Вы добились бы большого успеха, – заметила мисс Эмили, – если бы продолжили карьеру в дипломатическом корпусе. Никогда не понимала, почему вы решили сменить род деятельности.

– Похоже, в данном случае я не добился ничего.

– Нет. Я должна ехать. Но я бесконечно вам обязана, Родерик.

– Полагаю, это объясняется тем семейным сумасбродством, которое вы упомянули.

– Возможно. – Показывая, что аудиенция окончена, она встала и вновь перешла на французский. – Передайте мои самые добрые пожелания вашей жене и сыну.

– Спасибо. Трой тоже желает вам всего наилучшего.

– Вы выглядите усталым. Когда у вас отпуск?

– Как выдаться такая возможность. Надеюсь, скоро. – Лукавый вид мисс Эмили вновь его встревожил. – Пожалуйста, не надо туда ехать! – умоляюще попросил он.

Она с безукоризненным изяществом протянула ему руку для поцелуя.

– *Au revoir et mille remerciements*⁴.

– *Mes hommages, madame*, – откликнулся Аллейн сердито.

С самыми дурными предчувствиями он покинул свою старую наставницу.

II

В девять часов вечера поезд из Лондона прибыл в Данлоумэн, где была пересадка на автобус до Порткарроу. Сойдя на станции, Дженни сразу же наткнулась на несколько плакатов, изображающих причудливую Зеленую Даму. Большие надписи поперек каждого рекламировали «Фестиваль Ключа Фей». Еще не оправившись от первого потрясения, девушка тут же испытала новое, увидев Патрика Феррира. Он протискивался через толпу к турникету – крупный, почти не изменившийся за эти два года.

– Дженни! – окликнул он. – Привет! Решил тебя встретить.

– Но это ведь такая даль! – упрекнула она, хотя ей было приятно.

– Ерунда! Подожди, я сейчас.

Добравшись наконец, он взял у нее из рук чемоданы.

– Молодец, что приехала! Страшно рад тебя видеть.

Под табличкой «Автобус до Порткарроу» собралась целая толпа. Пока Патрик подгонял машину, Дженни рассматривала собравшихся людей. Толпа была на удивление разношерстной, но в то же время всех объединяло нечто неуловимое, словно они были членами какой-то странной секты. Подошел автобус, началась посадка. У одной девушки Дженни заметила на ноге стальной браслет. Дальше спокойно ждал своей очереди мужчина с изнуренным лицом и затравленным взглядом. Скромный полный юноша с перевязанным ухом. Женщина, то и дело начинавшая смеяться без видимой причины и малейшего отклика от сопровождающей пожилой леди, державшей ее под руку и смотревшей прямо перед собой. Других проявлений цели, объединяющей прибывших, заметно не было, хотя догадаться о ней не составляло труда. Один за другим все они скрылись в автобусе.

Патрик подъехал на двухместном автомобиле, с трудом запихнул чемоданы в багажник, и через секунду они уже мчались по улице.

– Очень мило с твоей стороны, Патрик, – поблагодарила Дженни. – А какая машина!

– Нравится?

– Новая, наверное?

– Да. Был повод – как-никак, я все же поступил в адвокатуру, Дженни, помнишь?

– Конечно. Мои поздравления.

⁴ – До свидания, и тысяча благодарностей. – Мое почтение, мадам (*фр.*).

– Не знаю, не испарится ли твоя вежливость, когда ты увидишь, как я этого достиг. Ты вряд ли могла представить в самых бурных фантазиях то, во что превратился остров.

– Я читала английские газеты в Париже, да и твои письма были достаточно подробны.

– И все же тебя ждет потрясение, обещаю. Я даже сомневался, стоило ли тебя приглашать.

– Со стороны твоей мамы это было очень мило, и мне очень приятно вернуться. Патрик, как же здорово снова оказаться в Англии! Когда показала электростанция в Баттерси, я буквально плакала от счастья.

– Похоже, твоя сентиментальная привязанность к местам осталась прежней. Тогда от вида острова ты, наверное, будешь рыдать, и это точно не будут слезы радости. Кстати, – добавил Патрик после паузы, – ты приехала как раз к переломному моменту.

– Какому?

– В лице очень старой и сердитой дамы по имени мисс Эмили Прайд, которая унаследовала остров от своей сестры, покойной леди Уинтерботтом. Новая владелица полностью разделяет твои взгляды на эксплуатацию источника. Вы с ней должны поладить.

– Что она собирается сделать?

– Прикрыть лавочку, если только объединенные усилия заинтересованных сторон не вынудят ее изменить решение. Все заранее трясется от страха. Она прибывает в понедельник, дыша яростью и стремлением восстановить статус-кво.

– Как фея-крестная наоборот?

– Да, вроде того. Явится, потрясая черным зонтом и испуская искры. Конечно, – добавил вдруг Патрик, – и вся эта история случилась словно по волшебству. У газетчиков как раз был мертвый сезон, вот они и ухватились за нее, как ты помнишь. Раздули из бородавок Уолли целую сенсацию. Сюда потянулись паломники. Советники миссис Уинтерботтом тоже заинтересовались, засуетились, и, как говорится, на нас пролился золотой дождь. Который до сих пор не прекращался.

Они миновали предместья Данлоумэна и выехали на дорогу, ведущую вдоль берега.

– Было приятно время от времени получать твои письма, – сказал Патрик после паузы. – Ключевое выражение здесь – «время от времени».

– Мне от тебя тоже.

– Рад, что тебя миновало искушение затянуться в черный атлас и нацепить кучу побрякушек, в отличие от многих девушек, поработавших во Франции. И все же ты изменилась.

– Надеюсь, ты не скажешь, что я обзавелась фальшивым французским акцентом?

– Нет, ни в коем случае. У тебя вообще ни малейшего акцента.

– Видимо, в этом и есть перемена.

– Тебе нужно побеседовать с мисс Прайд. Прежде чем унаследовать богатства Уинтерботтомов, она была какой-то жутко крутой наставницей в языке для тех, кто поступает на дипломатическую службу. У нее вокруг рта морщинки от произнесения трудных звуков.

– Так ты ее видел?

– Видел разок. Около года назад она приезжала с сестрой и была в ярости от происходящего.

– Похоже, – заметила Дженни после паузы, – сейчас все и впрямь серьезно?

– Не то слово, – отозвался Патрик с неожиданным ожесточением.

Дженни спросила про Уолли Трехерна. Тот, как выяснилось, совсем отбилась от рук.

– Он толком не понимает, что к чему, но чувствует себя гвоздем программы. К его жилищу целые экскурсии устраивают. Домик украшен под такой китчевый пасторальный стиль – чуть ли не водоросли вокруг двери, кораблики в бутылках. Миссис Трехерн по-прежнему верна себе и джину, зато мистер Трехерн совершенно преобразился, так и сочтется елейным благочестием и торгует мальчишкой направо и налево.

– Ты меня пугаешь.

– Думаю, лучше тебе заранее узнать все самое худшее. Еще в следующую субботу намечен ежегодный фестиваль, который организует мисс Кост. Шествие к источнику под пение хора, а Уолли, одетый маленьким рыбаком, будет читать вирши – если, конечно, сможет их выучить, бедняга.

– Нет! Не может быть!

– Боюсь, что очень даже может.

– Патрик, а что же на самом деле с исцелениями? Со всеми этими паломниками? Что с ними происходит?

Патрик немного помолчал, затем ответил без тени иронии в голосе:

– Думаю, то же, что и обычно в таких случаях. Осечка следует за осечкой, все уже считают это бессовестным надувательством и стыдятся своего участия, как вдруг, без всякой видимой причины, кто-то – иногда и двое или больше – после тех же манипуляций вдруг избавляется от бородавок, мигрени, астмы или хронической диареи. И их благодарный энтузиазм не знает границ. Такие случаи перекрывают остальные, неудачные, и обеспечивают всю эту шумиху, и деньги, и эту машину, и сувенирный магазин мисс Кост. Если ты не в курсе, она продала свой прежний бизнес и развернула на острове новый. Продает маленькие пластмассовые фигурки Зеленой Дамы, брошюры и буклеты собственного сочинения, вязаные жилеты и прочую ерунду, которую стыдно даже перечислять. Ну что, уже жалеешь, что приехала?

– Да нет. А твоя матушка, что она думает по этому поводу?

– Кто ее знает. У мамы дар не принимать вещи близко к сердцу.

– А доктор Мэйн?

– При чем здесь он? – резко спросил Патрик. – Извини. Да, Боба Мэйна это тоже коснулось – его заведение расширилось, и все места неизменно заполнены.

Дженни почувствовала, что дала маху, и поспешно спросила:

– Ну а священник? Он-то как отреагировал?

– С ловкостью, достойной иезуита. Никакого официального одобрения, но в нужных случаях – как будто так и надо. Весьма разумно с его стороны.

Тем временем они поднялись на прибрежные холмы, откуда открылся вид на Порткарроу.

Первым, что заметила Дженни, была красная неоновая вывеска «Мальчика с омаром», ярко горевшая в спустившихся сумерках. Прилив почти достиг максимума, и неверный, колеблющийся отсвет отражался в темной воде. Следующей бросалась в глаза цепочка разноцветных огоньков, связывавших остров с деревней, которая, кажется, занимала больше места вдоль берега, чем раньше. Линии фонарей и светящихся окон, повторяя извивы мыса и бухты, походили на ожерелье, небрежно брошенное на иссиня-черную ткань. Пожалуй, это было даже красиво. Под утесами стояли машины – там, наверное, парочки занимались любовью или просто смотрели на море. У дороги торчали большой сборный многоместный гараж и кафе.

– Ну вот, – сказал Патрик. – Готова к погружению в пучину?

Для узкого и крутого спуска сравнение было в самый раз. Он сам по крайней мере остался прежним, да и деревня на первый взгляд тоже. Здание почты стояло на своем месте, дальше за ним – все тот же герб у въезда, только свежепокрашенный.

– Это теперь «старая деревня», – пояснил Патрик. – В новой части сплошные гостиницы и магазины. Трехерн, кстати, у нас теперь еще и паромщик. Я высажу тебя с чемоданами у пристани, вытащу этого пьяницу из паба и тогда отгоню машину, идет?

У пристани никого не было. Набегающие волны негромко шлепали о сырые подпорки и с легким шипением выкатывались на берег. Знакомо и приятно пахло морем. Дженни бросила взгляд на остров. Там, за узкой полоской воды, на площадке у берега теперь стоял фонарь. Вокруг собралась группа людей. Их голоса звучали ясно и спокойно. Вдоль дамбы, чуть притопленной приливом, тянулись провода с разноцветными лампочками, натянутые между метал-

лическими столбами. Вокруг их забетонированных оснований закручивались с тихим плеском водовороты.

Вернулся Патрик, ведя с собой Трехерна. Тот, в фуражке с эмблемой «Мальчика с омаром», рассыпался в преувеличенно радушных приветствиях.

– Вон там катер, – объяснил Патрик, указывая пальцем. – Специально для переправы во время прилива. Но мы и на веслах доберемся, не против?

Они подошли к элегантной шляпке – называвшейся, разумеется, «Фея».

– Автобусом приехало много народу, – вспомнила Дженни.

– Ну, – откликнулся он, помогая девушке забраться в шляпку. – Это все на фестиваль.

– Бедняги! – провозгласил Трехерн. – Да исцелят их силы небесные от недугов!

– Избавьте нас, – поморщился Патрик.

Журчание воды и равномерный скрип весел в уключинах напомнили Дженни те дни, когда они с Патриком навевались в их маленькую бухточку.

– Сегодня такой теплый, тихий вечер, – проговорила она.

Патрик, сидевший рядом с ней на корме, кивнул и приобнял девушку.

– Ты не представляешь, – прошептал он ей на ухо, – как приятно снова тебя увидеть.

Дженни ощутила запах твида от его пальто. Она искоса взглянула на своего спутника – тот смотрел прямо перед собой. Несмотря на темноту, она почувствовала, что он улыбается.

Надо было спросить Трехерна про Уолли, что Дженни и сделала.

– Он у нас молодец, спасибочки, мисс. Вот увидите, как изменился наш парнишка, невинно доставляющий радость и благодарение взыскующим оных.

Дженни не нашла ничего лучше, как сказать:

– В самом деле?

– И нисколько не кичится притом своим исключительным положением, – добавил Трехерн. – Кроток как мышонок, но осиян благодатью изнутри. Вот какой он, наш Уолли.

Патрик, едва сдерживаясь, изо всех сил стиснул ей руку.

На берегу Трехерн, пригласив Дженни заглядывать к бывшему ученику, тем же елейным голосом пожелал им доброй ночи и ушел.

Девушка огляделась. В круге света, отбрасываемом фонарем у причала, виднелась большая витрина, вставленная в фасадную стену старого дома. За стеклом угадывались силуэты множества мелких предметов.

– Да, – кивнул Патрик. – Это и есть магазин мисс Кост. Давай не будем здесь задерживаться.

Полностью осознать масштаб изменений Дженни смогла, только когда они поднялись по расширенной и переделанной лестнице к дверям «Мальчика с омаром». Старый паб, хоть и подновленный, остался тем же, зато по обеим сторонам пристроили два огромных двухэтажных крыла, совершенно подавивших основное здание. Добавился новый, солидный вход, а за отдернутыми шторами открывался холл, где собралось множество постояльцев – читавших, игравших в карты, писавших письма. На заднем плане виднелся стол для пинг-понга, а еще дальше – бар.

– Ну вот, – сказал Патрик.

Они собирались двинуться дальше, когда из главного входа показалась чья-то фигура и неуверенно двинулась в их направлении. В глаза бросался странный наряд – длинная блуза поверх брюк, на голове нечто вроде остроконечного колпака со свешивающимся концом. Мальчик сильно вырос, и Дженни сперва не узнала его, но когда он, неуклюже шаркая, добрался до пятна света, увидела знакомое лицо.

– Костюм от модного дома мисс Кост, – прокомментировал Патрик.

– Уолли! – воскликнула Дженни. – Неужели это ты?

Тот лукаво взглянул на нее и постучал костяшками пальцев себе по лбу в качестве приветствия.

– Добрвечер, добрвечер, – проговорил он (голос у него еще не сломался) и протянул руки. – Я Уолли – вот, смотрите, все прошло.

– Уолли, ты не помнишь меня? Мисс Уильямс? Нет?

Мальчик растянул рот в ухмылке.

– Не-а.

– Твоя учительница.

– Мне одна леди пять шиллингов дала, во как. Целых пять.

– Нельзя выпрашивать подачки, – нахмурился Патрик.

Уолли рассмеялся.

– Не-е, я никогда. – Он повернулся к Дженни. – Приходите на меня посмотреть. Ага, приходите к Уолли.

– Ты ходишь в школу?

– Ага, в школу. Я на фестиваль иду.

Он снова выставил напоказ свои руки и вдруг был таков.

– Ничего, Дженни, не обращай внимания. Пошли дальше.

Патрик провел гостью через старую дверь, где теперь висела табличка «Вход воспрещен».

– Постояльцы сюда не заглядывают, – пояснил Патрик. – Контора и стойка администратора в новом здании. Тут, можно сказать, по-семейному, Дженни. Будешь жить в моей комнате – надеюсь, не возражаешь?

– А ты как же?

– Все нормально. У меня есть берлога на такой случай.

– Дженни! – В маленький холл вошла миссис Бэрримор. – Как я рада тебя видеть!

Она была одета куда элегантней, чем раньше, и выглядела просто замечательно. Женщины расцеловались с большой теплотой.

– Я так рада! – повторяла миссис Бэрримор. – Так рада!

Ее рука на плече девушки слегка подрагивала, в глазах стояли непонятно чем вызванные слезы, изумившие Дженни.

– Патрик покажет тебе комнату. Ужин в нашей старой столовой. Я... немного занята сейчас. У нас тут кое-какое собрание – Патрик объяснит, – поспешно сказала она. – Надеюсь, это ненадолго. Ты не представляешь, как приятно тебя снова увидеть, правда, Патрик?

– Совершенно не представляет, – откликнулся тот. – Я и забыл про срочное собрание. Это касается мисс Прайд и нашей стратегии, Дженни. Как там дела, мама?

– Не знаю. Не очень. Не могу сказать.

Она заколебалась, знакомым жестом сплетая пальцы от волнения. Патрик поцеловал ее.

– Поменьше об этом задумывайся. Как там говорят у вас в Антиподии, Дженни, – «все будет путем»? Все будет путем. Не бойся, мама.

Однако когда та вышла, Дженни на секунду заметила в его глазах серьезную озабоченность.

III

Майор Бэрримор, стоя в старом баре на коврике перед камином, с письмом мисс Прайд в руке и двойным скотчем на каминной полке, обозревал созванное им экстренное собрание. Присутствовали священник, доктор Мэйн, мисс Кост и мистер Айвз Нанкивелл, новоиспеченный мэр Порткарроу, а по совместительству хозяин лучшей мясной лавки. Это был низкорослый человечек с выражением неизменного изумления на лице.

– Нет, – продолжил майор, – никому кроме вас я пока не говорил. Чем меньше людей знает, тем лучше. Надеюсь, вы согласны?

– Судя по письму, – откликнулся доктор Мэйн, – через неделю это все равно будет знать вся деревня.

– Злобная старуха! – воскликнула мисс Кост дрожащим голосом. – Вот кто она такая! Или сумасшедшая! А скорее всего, и то, и другое!

Послышалось тревожное бормотание.

– Позвольте узнать, майор, как вы сформулировали ваш ответ? – спросил мэр.

– Взял несколько дней на размышление и послал телеграмму: «Номер забронирован будем рады обсудить означенный вопрос».

– Весьма достойно.

– Тут все дело в том, как я вам уже говорил, чтобы нам прийти к соглашению между собой. Она назвала вас как людей, с которыми хотела бы встретиться. У нас была неделя на то, чтобы все обдумать. Какую линию мы изберем? Ведь лучше действовать слаженно, не так ли?

– Однако возможно ли между нами согласие? – заговорил священник. – Думаю, мои взгляды всем известны. Я всегда заявлял о них открыто – с кафедры или в любом другом месте.

– И все же, – вмешалась мисс Кост, единственная, кто ходил на проповеди, – вы не станете отрицать, что исцеления были истинными?

– Не стану. Я благодарю за них Господа, однако осуждаю некоторую... некоторую излишнюю публичность.

– Ну-ну-ну! – воскликнул мэр. – Надо смотреть на вещи шире. Надо думать о всех членах нашего сообщества. По моему мнению, сэр, исключительные свойства нашего источника не принесли Порткарроу ничего кроме блага. Ничего кроме блага. И разве широкая общественность не имела права знать о той пользе, которую может получить здесь? Я думаю, имела, имеет и должна иметь в будущем!

– Прекрасно, господин мэр! – подхватил Бэрримор. – Именно так!

– Правильно! – выкрикнула мисс Кост.

– Может быть, она продаст остров? – спросил вдруг доктор Мэйн.

– Вряд ли, Боб.

– Стало быть, та-ак, – протянул мэр. – Та-ак... Допустим – имейте в виду, джентльмены, я говорю неофициально, в частном, так сказать, порядке – допустим, она все же решится на это. Тогда, думаю, в покупке будет заинтересован непосредственно муниципалитет. Это наш общ... – Он осекся, покосившись на священника. – Наш гражданский долг. Либо, возможно, группа благонамеренных местных жителей...

– Полагаю, они окажутся не одиноки в своем желании, – сухо заметил доктор Мэйн. – Если торги будут открытыми.

– Не будет никаких торгов, – сказал майор Бэрримор. – Насколько я могу судить, она одержима желанием положить конец всему этому.

Мистер Нанкивелл позволил себе недоверчивую ухмылку.

– Видимо, она не представляет себе цены вопроса.

– Скорее ее волнуют другие ценности, – пробормотал священник.

В этот момент и вернулась миссис Бэрримор.

– Сидите-сидите, – проговорила она и сама опустилась на стул у двери. – Вы не против?..

Мистер Нанкивелл пустился было в галантные излияния, однако Бэрримор быстро их пресек.

– Да, тебе лучше послушать, Маргарет, – сказал он, бросив беспокойный взгляд на жену. – Возможно, она захочет поговорить с тобой.

– Разумеется, разумеется! – подхватил мэр. – Настоящие леди понимают друг друга так, как нам, грубым мужчинам, не дано, верно я говорю, мисс Кост?

– Ничего не могу сказать по этому поводу, – ответила та, одарив миссис Бэрримор тяжелым взглядом.

– Мы пока так никуда и не продвинулись, – напомнил доктор Мэйн.

Мэр откашлялся.

– У нас тут, конечно, не официальное заседание, так сказать, – начал он, – однако, будь это так и будь я его председателем, я бы предложил перейти наконец к сути.

– Очень хорошо, – поддержал Бэрримор. – Я согласен. Предлагаю избрать господина мэра председателем нашего собрания. Все за?

Послышалось нестройное согласное бормотание, и Нанкивелл тут же взял дело в свои руки. Он предложил, чтобы каждый по очереди высказался – как нужно реагировать на демарш мисс Прайд. Начали со священника, который повторил, что всем известны его взгляды и он будет по-прежнему им следовать.

– Значит ли это, – требовательным тоном спросил майор Бэрримор, – что если она решит отказаться от эксплуатации источника, убрать изгородь и отменить фестиваль, вы встанете на ее сторону?

– Во всяком случае, не стану разубеждать.

Мэр громко фыркнул.

– Простите мою прямоту, мистер Карстерс, но будьте добры, скажите нам, что, по вашему, было бы с вашим церковным фондом, если бы не средства от источника? Откуда бы вы взяли деньги, чтобы восстановить башню? Ниоткуда – вы и близко на такое не могли бы рассчитывать.

Священник, чье лицо обычно носило несколько землистый оттенок, мучительно покраснел.

– Пожалуй, – подтвердил он.

– Ха! – воскликнула мисс Кост. – Вот вы и попались!

– Недаром я методист, – торжествующе провозгласил мэр.

– Да, это чувствуется, – согласился мистер Карстерс.

– Давайте так. Станете ли вы, сэр, поощрять эту женщину в ее глупых намерениях? Станете или нет?

– Нет. Пусть решает сама.

– По-моему, достаточно, – с плохо скрываемым нетерпением сказал доктор Мэйн.

– Согласна, – неожиданно поддержала его миссис Бэрримор.

Мисс Кост, ядовито улыбаясь, перевела многозначительный взгляд с нее на Мэйна, а потом на майора Бэрримора.

– Кстати, а как насчет вас, доктор? – поинтересовался мистер Нанкивелл.

С неприязнью глядя на собственные руки, тот ответил:

– Как ни странно, я в чем-то согласен с преподобным. Я тоже никогда не скрывал своих взглядов, хотя научного объяснения случаям исцеления у меня нет. Я не поощрял, но и не отговаривал пациентов от использования источника. Когда от этого была очевидная польза, я не пытался хоть словом подорвать их веру в его силы. Моя позиция – нейтралитет.

– Что не помешало вам, – заметил майор Бэрримор, – добавить добрую дюжину мест к своему задрипанному санаторию. Прошу прощения, преподобный.

– Кит!

Майор обернулся к жене.

– Что, Маргарет? Что тебя так взволновало?

Мисс Кост пронзительно рассмеялась.

– Вы совершенно правы, – опередив миссис Бэрримор, с ледяным холодом ответил доктор Мэйн. – Я тоже получил от этого выгоду, как и остальные. Но что касается моей практики, думаю, действия мисс Прайд окажут на нее мало влияния в дальнейшем. Как и на популяр-

ность источника. Больные, предрасположенные к таким идеям, по-прежнему будут думать, что он им поможет. Или надеяться на это – что, в принципе, одно и то же.

– Однако для общины в целом – совсем не одно и то же, – сердито заметил Бэрримор. – В прессе нас просто выставят на посмешище. – Он осушил свой бокал одним глотком.

– А фестиваль?! – запричитала мисс Кост. – Фестиваль! Столько сил! Столько ожиданий! И такое разочарование!

Она всплеснула руками, пораженная новой мыслью.

– А Уолли?! Ведь он выучил! Несколько недель корпел над этими строчками! Сегодня наконец смог повторить! Всего одна малюсенькая ошибка! И хор полностью готов!

– Поистине так! – с чувством проговорил мистер Нанкивелл. – Но мы по-прежнему ждем ответа доктора. Так что надумали? Что вы скажете старой леди?

– Ровно то же, что две минуты назад сказал вам, – отрезал доктор Мэйн. – Если она захочет узнать мое мнение – что бы она ни сделала, все может и дальше пойти тем же чередом, пока увлечение источником не иссякнет. Так я ей и отвечу.

– Ну, это уже что-то, – хмуро пробормотал мэр. – Хотя вряд ли достаточно для женщины ее возраста, твердо вознамерившейся все разрушить.

– Лично я, – горячо вмешалась мисс Кост, – не буду миндальничать! Я скажу ей!.. Нет, – поправила она, беря себя в руки, – я буду умолять ее! Буду взывать к ее лучшей стороне – надеюсь, она у нее есть. Очень надеюсь!

– Я, как председатель, поддерживаю, – важно кивнул мистер Нанкивелл. – Хотя и с оговорками не в пользу оптимистичного взгляда на вещи. Вы, майор?

– А что я могу? Постараюсь, конечно, ее урезонить. Обрисую ситуацию как есть, со всеми бесспорными случаями исцелений. Если наш ученый друг, – он бросил сердитый взгляд на доктора Мэйна, – перестанет становиться в позу и соблаговолит поддержать меня, может быть, и удастся переубедить старуху. В общем, – добавил он, пригладив ладонью волосы и выдавив полуулыбку, – сделаю, что смогу. Надо еще выпить. Кто-нибудь присоединится?

Мэр и, после некоторых уговоров, мисс Кост согласились составить ему компанию. Бэрримор направился к старой барной стойке. Когда он открыл дверь, послышались звуки голосов и шагов со стороны главного входа. К ним заглянул Патрик.

– Извините, что прерываю, – проговорил он и повернулся к матери: – Автобус прибыл. Та вскочила.

– Надо идти. Прошу прощения.

– Черт! Ну хорошо, – смирился Бэрримор и добавил для остальных: – Я недолго. Пат, запиши напитки, ладно? Два двойных виски и сладкий порто.

Он вышел в сопровождении жены и пасынка. Вскоре послышался его голос, приветствующий гостей:

– Добрый вечер, добрый вечер! Проходите! Наверное, устали с дороги. Мы очень рады вас видеть!..

Голос постепенно удалился и стих.

– Да... – неопределенно промолвил мэр после непродолжительного молчания. – Да... Кстати, мы ведь так и не услышали, что думает наша леди? Миссис Бэрримор?

Воцарилась неловкая тишина. Мисс Кост иронично усмехнулась.

IV

– «...И вы крайне меня обяжете, – диктовал Аллейн, – если сможете выделить когонибудь, кто приглядывал бы за островом, когда туда прибудет мисс Прайд. Скорее всего, за угрозами ничего не последует, однако, как мы знаем, порой они оказываются вполне реальными. Должен предупредить, что, хотя мисс Прайд восемьдесят три, она находится в полном

здравии и, узнав о наблюдении, может очень рассердиться. Без сомнения, как и везде в полиции, у вас не хватает штатов, и вы не обрадуетесь моей просьбе, но если ваш человек заметит хоть что-то, пусть даст мне знать. Если только на работе не случится ничего экстраординарного, я прямо завтра беру недельный отпуск, который мне давно положен, и выезжаю по указанному адресу. Еще раз прошу прощения за неудобство, искренне ваш...» Отлично. Суперинтенданту А. Ф. Кумбу. Отправьте сразу, хорошо?

Покончив с этим, он взглянул на часы. Пять минут после полуночи. Стол пуст, все папки закрыты. На листке календаря был еще понедельник, и Аллейн перевернул его. Следовало написать раньше, теперь письмо прибудет не раньше самой мисс Эмили... Вдруг накатила усталость, даже двигаться не хотелось. Помедлив секунду-другую, Аллейн закурил трубку, обвел взглядом свой кабинет и наконец вышел в длинный коридор.

Спустившись по ступенькам, он пожелал доброй ночи констеблю у дверей. По рукам так и бежали мурашки, хотя, наверное, это все просто глупое предчувствие. Проезжая по набережной, суперинтендант думал, что ни за что не станет с утра звонить своему коллеге на Порт-карроу. Еще не хватало!

Глава 3. Угрозы

I

Мисс Эмили приехала в понедельник около полудня, переночевав в Дорсете. Весьма приятно оказалось иметь в своем распоряжении машину с шофером, к тому же довольно неглупым. Когда они добрались до пристани Порткарроу, пожилая леди дала парню приличные чаевые и сказала, что хотела бы и на обратном пути воспользоваться его услугами. Под взглядами небольшого числа праздных зевак она выбралась из автомобиля, и навстречу ей тут же поспешил привлекательный юноша.

– Мисс Прайд? Я – Патрик Феррир. Надеюсь, вы добрались благополучно?

Мисс Эмили всегда благосклонно относилась к молодым людям и не без основания считала, что хорошо в них разбирается. Окинув Патрика оценивающим взглядом, она сдержанно ответила на приветствие. Он представил ей высокую румяную спутницу, которая застенчиво вышла вперед и протянула руку. С девушками мисс Эмили реже приходилось иметь дело, но эта ей понравилась, и они обменялись любезностями.

– По дамбе сейчас не пройти, – сказал Патрик, – и мы подумали, что вы предпочтете переправиться на катере.

– Неважно, – отозвалась мисс Прайд. – Катер так катер.

Патрик и шофер помогли ей спуститься по ступенькам. Трехерн перенес багаж, то и дело козыряя пожилой леди, и они оттолкнулись от пристани, по-прежнему провожаемые взглядами гуляющих. Среди них выделялся своей униформой полицейский сержант.

– Доброе утро, Пендер! – бодро окликнул заметивший его Патрик.

На катере путешествие вышло до смешного коротким, однако мисс Эмили, прямо и неподвижно сидящая на корме, придавала поездке величественности. Раскрытый зонт под палящим солнцем выглядел церемониальным опахалом. Затянутые в черные лайковые перчатки ладони держали ручку точно посередине, огромная сумочка была крепко зажата между ступнями. Как Патрик описывал позднее, пожилая леди походила на статую какого-то восточного божества: «Ей бы больше подошел открытый паланкин, чтобы ее несли через дамбу на плечах».

Майор Бэрримор с носильщиком ожидал на пристани. Дженни пришло в голову, что хозяин паба сильно смахивает на иллюстрацию из спортивного журнала начала века. «Полнокровный джентльмен», как тогда говорили. В выпученных глазах виднелись красные прожилки. За краткое время между отправлением и прибытием лодки он, казалось, все никак не мог решить, когда начать улыбаться и совершать подходящие случаю телодвижения. Мисс Эмили ничем не облегчила эту задачу, и Дженни с Патриком посматривали на него с возрастающим опасением.

– Утро доброе! – провозгласил наконец Бэрримор с радостным поклоном, когда они подошли к берегу. Мисс Эмили привстала и опустила зонтик. – Да, вот так, Трехерн. Полегче, полегче. Осторожнее! Бросай мне вон тот конец. Отлично!

Не умолкая ни на минуту и бестолково суетясь, майор закрепил петлю на швартовой тумбе и заботливо протянул руку прибывшей леди.

– Прошу! Прошу!

– Доброе утро, майор Бэрримор, – проговорила мисс Эмили. – Благодарю вас, я и сама прекрасно справлюсь.

Не обращая внимания на выставленную ладонь, она пристально посмотрела на Трехерна.

– Так вы и есть отец мальчика?

Тот сдернул кепку и растянул губы в широчайшей улыбке.

– Я самый, мэм. Ежели вы про нашего Уолли, мэм, то я самый, и уж так горжусь, как он есть мой сын, что и сказать нельзя.

– Я загляну к вам, если это будет удобно, – кивнула леди. – Позже.

На секунду-другую повисло неловкое замешательство, затем она протянула руку майору.

– Разумеется, это будет удобно, – заверил тот. – Какой денек сегодня, не правда ли? Будто нарочно к вашему прибытию. Осторожнее, здесь ступеньки. Боюсь, немного неудобные. Позвольте мне...

– Спасибо, я поднимусь сама, – откликнулась мисс Эмили, пристально оглядывая магазин мисс Кост и фасад гостиницы. – Вид меня вдохновит.

И она зашагала впереди всех.

– Черт побери! – воскликнул майор, когда они были уже наверху. – Да вы меня за пояс заткнете, мисс Прайд. Великолепно! Просто великолепно!

Она бросила на него короткий взгляд.

– Все благодаря воздержанности. Капельку вина или коньяку изредка, не более. И никакого курения.

– Восхищен! Восхищен! – шумно одобрил тот, и Дженни испытала за него почти физическую неловкость.

У главного входа ожидала Маргарет Бэрримор.

– Надеюсь, вы хорошо добрались. Подать обед наверх? Там специально для вас есть небольшая гостиная. Или можете воспользоваться общей столовой.

Мисс Эмили выбрала последнее, но пожелала сперва посмотреть свой номер. Миссис Бэрримор взялась ее проводить, а майор, Патрик и Дженни остались внизу, в холле, не зная, что сказать друг другу. Бэрримор в забывчивости продолжал отчаянно улыбаться. Только поймав взгляд пасынка, он вполголоса ругнулся и без дальнейших слов поспешил к бару.

Мисс Эмили после еды расположилась на отдых. Сняла платье и туфли, ослабила корсет, накинула зеленый хлопчатобумажный пеньюар и прилегла. У кровати она нашла несколько иллюстрированных брошюр и взяла их в руки. В одной содержалось весьма подробное описание самого первого исцеления, которое сопровождали рисунок Зеленой Дамы, а также фотографии источника, Уолли Трехерна и множества людей, проходящих через что-то вроде турникета. В другой перечислялся длинный список последующих чудес, с именами и персональными отзывами. Мисс Эмили подсчитала: у девяти человек прошли бородавки, у пяти (включая мисс Кост) – астма, у троих артрит, у двоих мигрень и еще у двоих хроническая диарея (эти пожелали остаться неизвестными). «И куда большее число страждущих испытали облегчение и почувствовали значительное улучшение», добавляла брошюра. Небольшой буклет рекламировал грядущий фестиваль и, на вкладыше, сувенирный магазин Элпет Кост. Была еще фантазийная карта острова с пририсованными лодками, рыбами, сетями, феями и, разумеется, Зеленой Дамой. При более пристальном изучении здесь обнаружился и маршрут от «Мальчика с омаром» напрямиком к источнику.

Внимание мисс Эмили привлекла еще одна листовка, менее легкомысленного вида.

ПРИЛИВЫ И ОТЛИВЫ В ПОРТКАРРОУ

Уровень воды между деревней и островом меняется отнюдь не со строгой периодичностью. Максимальный достигается примерно дважды в сутки, минимальный – приблизительно посередине между этими периодами. Конкретное время может отличаться на час – час сорок пять минут. Так, если в воскресенье высокий прилив был в полдень, в понедельник он может прийти на время между часом дня и тремя без четверти.

Проход по дамбе обычно доступен в течение двух часов до и после минимального уровня воды. В распоряжении наших гостей всегда имеется переправа с катерами и гребными лодками. Глубина у пристаней достаточная даже в отлив.

Ожидаемое время максимального и минимального уровня воды вывешивается ежедневно на стойке администратора у главного входа.

Мисс Эмили некоторое время изучала эту информацию, сверяясь с картой. В пять часов она заказала чай в номер, еще через полчаса оделась и вышла в вестибюль с зонтиком в руке. Дежуривший за стойкой портье, увидев ее, нажал кнопку звонка и поднялся с услужливой улыбкой.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, мадам?

– Полагаю, да. Я хочу попасть к источнику. Как я понимаю, вход оплачивается какими-то жетонами?

Портье, выдвинув ящик стола, достал металлический диск.

– Мне потребуется семь штук.

Мисс Эмили выложила на стойку две полукроны и флорин, и портье отсчитал нужное количество жетонов.

– Нет-нет-нет! – протестующе выкрикнул майор Бэрримор, выскакивая из помещения позади стойки. – Не могу этого допустить! Абсурд!

Он махнул рукой портье.

– Проследите, чтобы в номер мисс Прайд доставили целую дюжину! – приказал он и склонился перед пожилой леди в любезном поклоне. – Прошу извинить! Недоразумение!

– Вы очень добры, – откликнулась та, – но я предпочитаю заплатить.

Она раскрыла сумочку, смахнула туда жетоны и резко щелкнула застежкой. Поблагодарив портье, мисс Эмили повернулась к выходу.

– Не могу... не могу одобрить, – начал майор Бэрримор. – Я... это довольно некрасиво с вашей стороны. Позвольте мне хотя бы... вы ведь первый раз туда идете... позвольте хотя бы указать вам самый удобный маршрут.

– Полагаю, он мне уже известен – из предоставленной вами литературы. Не вижу необходимости злоупотреблять вашим временем, майор Бэрримор. Весьма обязана.

То ли ее тон, то ли пойманный украдкой взгляд хозяина заставили портье ретироваться.

– Что касается ранее изложенного мною в письме, – продолжила мисс Эмили, пристально глядя на майора, – предлагаю отложить дальнейшее обсуждение, пока я сама не получу полное представление о состоянии своей собственности. Надеюсь, вы не возражаете?

– Разумеется! – поспешно откликнулся тот. – Конечно, как вам будет угодно! Надеюсь...

– Благодарю вас, – оборвала его мисс Эмили и вышла.

Дорожка от паба к источнику шла вверх, следуя очертаниям склона. Широкая и ровная, она, как отмечалось в одной из брошюр, обеспечивала доступ посетителям в инвалидном кресле. Мисс Эмили размеренно шагала, оглядывая с высоты Рыбачью бухту, домишки, узкую полосу пролива и видневшуюся невдалеке деревню. Холм озарял мягкий свет солнца, пахло морем и папоротниками. В небе заливался жаворонок. Почти в такой же день два года назад Уолли Трехерн ощупью карабкался здесь к роднику.

Источник с его скромным струящимся каскадом, чашей и валуном над ними был теперь обнесен высокой проволочной изгородью. Снаружи стояла пара скамей, вход закрывало подобие турникета с сетчатыми створками. Чтобы попасть внутрь, следовало кинуть в прорезь один из жетонов, которыми снабдили мисс Эмили.

Она не воспользовалась ими немедленно – у источника уже были посетители: изнуренный мужчина, чье страдающее лицо привлекло внимание Дженни Уильямс на автобусной остановке, и молодая женщина с младенцем. Мужчина стоял на коленях, склонив голову, и, каза-

лось, с трудом удерживал свои исхудавшие руки под падающей водой. Он поднялся и, не глядя на мать с ребенком, прошел мимо них к выходу. Встретившись глазами с мисс Эмили, мужчина попытался улыбнуться, и оба одновременно пожелали друг другу доброго вечера.

– Я очень надеюсь, что поможет, – слабым голосом добавил он, приподнял шляпу и побрел вниз по склону.

К источнику тем временем опустилась молодая мать. Она сняла с ребенка шапочку. Струйка воды коротко сверкнула на солнце.

Мисс Эмили вдруг резко опустилась на скамью и закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, молодая женщина с младенцем уже спешила к ней.

– С вами все хорошо? Вам нужна помощь? Вы хотели пройти внутрь?

– Я не больна, – покачала головой мисс Эмили. – Благодарю вас, моя дорогая.

– Ох, простите. Извините меня. Значит, все в порядке.

– Ваш малыш, он...

– Доктор сказал, организму чего-то не хватает, и он отстает в развитии. Об этом месте было столько потрясающих отзывов – не зря ведь, правда? Так что я очень надеюсь.

Помешкав еще секунду, женщина улыбнулась, кивнула на прощание и пошла.

– «Очень надеюсь!»! – пробормотала мисс Эмили. – *Ah, Mon Dieu!* «Очень надеюсь!»!

Взяв себя в руки, она достала из сумочки никелированный жетон. У входа красовалась табличка, что транспортировку больных на носилках нужно согласовывать с администрацией гостиницы. Мисс Эмили прошла внутрь. Вода, журча, вливалась в чашу и выливалась из нее шумливым каскадом струй. Пожилая леди подняла взгляд к пику холма – солнце светило прямо в глаза. Обойдя источник, она поднялась на уступ и села на плоский камень. За спиной у нее оказалась насыпь, а еще выше – булыжник и папоротники, откуда якобы и появилась Зеленая Дама. Мисс Эмили раскрыла зонтик и устроилась поудобнее.

Она представляла собой любопытную фигуру – неподвижный черный силуэт под балдахинном. Сейчас она действительно походила на некое экзотическое председательствующее божество – сложно сказать, благосклонное или враждебное. За время ее бдения источник посетили семь человек, и на всех вид мисс Эмили определенно произвел впечатление.

Она оставалась на своем посту, пока солнце не скрылось за холмом. Паломников больше не было, и она спустилась к Рыбачьей бухте, а оттуда, обогнув мыс, пошла к магазину мисс Кост. По дороге она встретила деревенского сержанта полиции, который, видимо, просто прогуливался, и пожелала ему доброго вечера.

II

Часы показывали четверть седьмого. Магазин еще был открыт. Внутри, когда мисс Эмили зашла туда, никого не оказалось. На стойке стоял колокольчик, но она не стала звонить, а принялась изучать беспорядочный ассортимент товаров. Они были именно таковы, как Патрик описывал Дженни: причудливо воспроизведенные в пластмассе фигурки источника, водяного каскада и «домика Уолли»; листки с какими-то дурно напечатанными стишками; буклетики, календарики и открытки – все примерно на одну и ту же тему. Зеленая Дама, возникая там и сям, на картинках, в виде кукол и фигурок из пластика и картона, кое-где даже улыбающаяся во весь рот, царила надо всем. Изображалась она традиционно – яркое зелено-голубое платье, длинные золотистые волосы, поднятая рука и звезда во лбу. Было что-то почти безумное в настойчивом тиражировании этого лубочного образа. В углу громоздилось рукоделие самой мисс Кост – вязаные шарфы, жилеты и накидки, в основном тускло-голубого и розовато-лилового цвета. Мисс Эмили, которую слегка передернуло от этого, отвернулась.

Открылась дверь из внутреннего помещения, пахнуло картофельной запеканкой с мясом, и вошла мисс Кост – в одной из жилеток собственного изготовления.

– Наверное, вы слышали... – начала была владелица магазина, но тут увидела, кто к ней пожаловал. – Ой!.. Добрый вечер. Кхм!

– Мисс Кост, я полагаю? Дюжину трехпенсовых марок, пожалуйста.

Получив желаемое, мисс Эмили добавила:

– Думаю, мне нет нужды представляться. Моя фамилия Прайд. Я владелица этого острова.

– Да, разумеется, – пробормотала мисс Кост. – Это вы.

– Хотя вам, без сомнения, известна цель моего прибытия, будет лучше, если я еще раз проясню свою позицию.

Что и было сделано незамедлительно. Мисс Кост предлагалось, если она хочет продлить договор аренды, в трехмесячный срок убрать из продажи все, что прямо или косвенно связано с источником. Та выслушала условия с застывшим взглядом и натянутой улыбкой, затем выразила надежду, что мисс Прайд не сочтет неуместным следующее замечание: этот скромный ассортимент сувениров весьма ценится заинтересованной публикой и уже многим подарил радость. Особенно деткам, добавила мисс Кост.

Мисс Эмили ответила, что охотно верит, однако речь не о том. Мисс Кост добавила, что каждая из этих мелочей создавалась с благоговением перед чудом. Мисс Эмили не стала спорить, однако заметила, что их продажа, тем не менее, явно ведется в целях получения прибыли.

В этот момент вошла женщина и приобрела пластиковую фигурку Зеленой Дамы. После ухода покупательницы мисс Кост выразила надежду, что мисс Прайд не питает сомнений в реальности случаев исцеления.

– Если и так, – ответила мисс Эмили, – это не имеет отношения к делу. Налицо коммерческая эксплуатация, чего я не могу потерпеть.

Секунду-другую пристально посмотрев на мисс Кост, она заговорила немного другим тоном:

– Я не сомневаюсь в вашей вере в целительные силы источника. И я не считаю, что вы сознательно и цинично пользуетесь доверчивостью публики.

– Надеюсь! Моя астма!.. Я сама – живое свидетельство!..

– Именно так. Более того, когда все здесь возвратится к своему прежнему состоянию, я точно так же не собираюсь закрывать доступ к источнику, как не собираюсь обсуждать чьи-либо притязания на него. Как раз напротив – он будет открыт для всех.

– От него ничего не останется! Его разрушат! Осквернят! Даже сейчас, при всех предосторожностях, столько возмутительных случаев!

– Об этом я позабочусь.

– Земля фей – священная земля, – провозгласила внезапно мисс Кост.

– Даже не знаю, чего в этом больше – языческого или христианского, – покачала головой мисс Эмили и указала на листок со стишками, висевший на бечевке над прилавком и прихваченный бельевой прищепкой.

О, стары мудры времена!
(Вода и сталь, земля и камень.)
Народец древний жил тогда.
Зеленый Орден писцов рун
Их Магию творил.

И тайну их родник хранит
(Вода и сталь, земля и камень)
Для нас, как и для древних.
Дарует исцеленье он

И чудеса творит.

О, длани под струи простри!
(Вода и сталь, земля и камень.)
И хвори смоятся твои!
И тело вспрянет, ободрит
Сей древней Истины тайник.

- Кто, – спросила мисс Эмили, пристально глядя на мисс Кост, – автор этих виршей?
- Он неизвестен, – громче чем следовало начала та. – Эти древние стихи...
- Это подделка под древность и довольно неуклюжая. Они отражают ваши взгляды, мисс Кост?
- Да, – ответила та, прикрывая глаза. – Тысячу раз да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.